

«Глубоко и эмоционально! Настоящий русский роман»
Игорь Бондарь-Терещенко, «СНОБ»

ОБЛАКО

р о м а н   в   с т и л е   « н у а р »

СЕМЁН ЛОПАТО

Семен Лопато
Облако
Серия «Городская проза»

Издательский текст

<https://litres.ru/43710259>

Облако: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-113156-2

Аннотация

<p>Над городом С. нависает inferнальное Облако, которое завладевает жителями. Липкая атмосфера ужаса парализует их.</p><p>Но когда приходит Спасатель, у города появляется шанс.</p><p>Сюжет с непредсказуемыми поворотами пугает и заставляет задуматься: не являемся ли мы героями романа?</p><p>Сатирический и, в тоже время, философский роман о вещах, которые, быть может, заставили бы беспокоиться и размышлять братьев Стругацких, будь они сегодня с нами.</p>

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Семён Лопато

Облако

© Текст. Семён Лопато, 2019

© Оформление ООО «Издательство АСТ»

Глава I

– Это что, блокпост? – спросил Вадим.

– Вы с ума сошли, – ответил водитель. – Просто кирпичная будка. Здесь когда-то был пост ГАИ. По-моему, она уже развалилась.

Подсвечивавший равнину солнечный блик вяло истончился и погас, все вокруг стало серым.

– Все, не могу, – сказал водитель, – сил нет, сколько уже едем. Приторможу, отолю. Вы не против?

Рассекая воздух, машина мчалась по пустому шоссе.

– Не против, – сказал Вадим. – Благословляю. У будки и остановите.

Резко взяв вправо, с визгом затормозив и выскочив из машины, водитель, перепрыгивая через арматуру и битое стекло, побежал за будку. С трудом разгибая затекшие ноги и спину, Вадим выбрался из машины. Отойдя на два шага, он посмотрел кругом.

Мириады крохотных пепельных частичек, словно необъятная взвесь от только что спаленного гигантского архива, наполняли пространство над головой и вокруг. Нависая над дорогой, накрывая поле, иногда отсвечивая темно-лиловым под бликами секундно пробивавшегося солнца, они сгущались вдали все больше и больше, так что не более чем километрах в двух отсюда глаз уже упирался в сплошную черную

стену.

Подошедший водитель, затягивая ремень брюк, проследил за взглядом Вадима.

– Облако, – с неожиданным уважением в голосе произнес он.

Налетевший ветер поиграл травой, прораставшей сквозь мусор вокруг будки.

– Странно, – сказал Вадим. – Феномен, артефакт мирового масштаба – а никому и дела нет. Где CNN, где журналисты, где шумиха – как будто и не случилось ничего.

Водитель пожал плечами.

– А чего шуметь, – сказал он. – Если б это в Москве было... А так – кому этот райцентр нужен? Одно слово – глушь. Отсюда хоть пять дней на «Феррари» несись – ни до какого государства не доедешь.

– Государство у нас одно, – назидательно сказал Вадим.

– Ну да, это понятно, – сказал водитель. – Особый путь, духовная миссия, через тернии в жопу, и все такое. – Он, оглядевшись, сплюнул. – Поехали?

Забравшись в машину, они хлопнули дверьми; легко тронув с места, тяжелый черный «Майбах» стремительно рванул по шоссе, все больше зарываясь в сумрак.

– И что, – сказал Вадим, – так за все время ни одного репортажа не было?

– Да все было, – сказал водитель. – И съемочные группы приезжали, и сюжеты снимали, и даже в программе «Вре-

мя» показывали. А толку-то? Сенсации раздувают, когда они важны каким-то финансово-промышленным группам, контролируемым определенными политическими структурами. А здесь-то что? Кому такая сенсация сдалась? Посмотрели и забыли. Не протянет долго такая сенсация, скукожится.

Вадим улыбнулся.

– Как политолог рассуждаете.

– А я и есть политолог, – откликнулся водитель. – Это только рейхсляйтер Борман от шофера подъемным стеклом отгораживался. Здесь тоже такое есть, только Виктор Иванович об этом не знает. Сколько лет Виктора Ивановича вожу, столько и слушаю, что на заднем сиденье перетирают. Политика, политика – уже из ушей лезет. Чего только не обсуждали. Такого наслушался – хоть сейчас в газете колонку готов вести. Только вот вакансий нет.

– Ну да, – кивнул Вадим. – Все места заняты. – Он подумал. – Другими шоферами. Ладно, всего-то осталось – до мэрии меня довезете, и все. Свободны, как вольный ветер.

– Насчет обратного пути-то договорились? – спросил водитель. – Если Виктор Иванович скажет – заберу. А то сюда и поезда-то не особенно ходят.

– Это позже. – Вадим посмотрел на экран мобильного. – Телефон не ловит. Сети нет.

– И не будет, – отозвался водитель. – Мобильная связь здесь не действует. С тех пор, как Облако появилось, восемь лет уже. Ребята из «большой тройки» приезжали, с базовы-

ми станциями мудрили, мерили что-то – все без толку. Не проходит сигнал.

– Так как же они...

– А так. – Водитель коротко прыснул. – С помощью пейджером.

– Чего?..

– Пейджером. Помните, были такие?

– Пейджеры. – Вадим подумал. – Их, по-моему, лет двадцать и не производит никто.

– Значит, производит, раз тут все ими обзавелись. Без пейджером теперь никуда. – Водитель включил дальний свет. – Ну все, подъезжаем.

Выключив ненужный мобильник, Вадим устало ткнулся затылком в прохладный изгиб анатомического кресла. Ночь. Непроглядная чернота по обе стороны от дороги и медленно приближающаяся россыпь огней городской окраины. Все привычно, обыденно и, в сущности, совершенно нормально – если не считать того, что в нескольких километрах отсюда бушевал солнечный летний день. Виктор Иванович, подумал он. Если кто и заинтересован в этом, то кто-то повыше Виктора Ивановича. Виктор Иванович, в сущности, пешка. И я, которого выдернули разруливать все это в самый неподходящий момент. А может, наоборот, в спасительный. Не хочу сейчас думать об этом. Не желаю.

Длинные массивы типовых жилых зданий стремительно приближались.

– А еще раньше радиосвязь использовали, – сказал водитель. – Рации, знаете, такие, как у охранников. Смотришь, идет девушка, держит перед собой рацию и говорит: «Теперь я все понимаю – я тебе с самого начала не нужна была, ты только о себе думаешь. И не любишь ты меня. Прием?» Только потом отобрали, оказалось, менты тот же диапазон используют, типа, эфир им забивают. Так что теперь только пейджеры.

Мимо облупленных пятиэтажек и покосившейся водонапорной башни они въехали в город. После мостика через крошечную речку, там, где улица пошла слегка в гору, по просьбе Вадима они остановились. Круглая афишная тумба стояла справа от дороги, с трех сторон подсвеченная в темноте вкопанными в землю прожекторами. Опустив стекло, Вадим минуту разглядывал свеженаклеенную афишу.

Грандиозное незабываемое представление!

Снова в городе Великолепная и Потрясающая, ни с чем не сравнимая Плавающая Опера!

На среднем течении речки Семиструйки, за мостом на Левый берег, на празднично декорированной дрейфующей платформе – красочное и масштабное представление оперы Мейербера «Гугеноты»!

Афанасий Тигелев – в роли Рауля, Вера Тихорецкая – в роли Валентины.

Захватывающие пиротехнические эффекты, прожекторное шоу, новаторская современная сценография.

В представлении участвует
всем известный конь Василий.
С благословения архиепископа
Железногорск-Илимского и Крутецкого Феофана.
Народный праздник, цветы для женщин, крещение
в реке Семиструйке всех желающих.

Подняв стекло и нервно усмехнувшись, Вадим дал знак водителю двигаться дальше. Город преподносил первый сюрприз. Все было непонятно – почему православный архиепископ благословил оперу во славу протестантов, что делали посередине реки Афанасий Тигелев и Вера Тихорецкая и чем был продиктован такой странный выбор репертуара и такой воинствующе экзотический вариант его подачи. Мимо пролетали городские кварталы. Интересно, кто будет производить крещение, подумал Вадим. Остается надеяться, что не конь Василий. Хотя, если вдуматься, каким еще способом классическое искусство может в современных условиях, так сказать, оставаться на плаву. И вообще, что, в сущности, представляет собой это неожиданное формотворчество – дерзкий порыв влить в традиционные классические формы новую струю или попытку плыть по течению? Плохо у меня с юмором, подумал Вадим. Опустился до дешевых каламбуров. В нормальном состоянии я бы себе такого не позволил. Он закрыл глаза.

Это, наверно, было самым страшным в Ларисе – эти неожиданные, спокойные, разом все отрезающие фразы.

Произнесенные обычным ровным тоном, с какой-то стойкостью обреченного всезнания, с отрешенной уверенностью, по нелепой, пустяковой причине переносящие на тебя опыт, полученный с кем-то другим, сообщающие то, что уже решено и не может быть оспорено. Ты живешь, ничего не подозревая, и вдруг в один момент, посреди тишины, получаешь все это, то, что в какой-то несчастливый миг запало ей, то, что она вынашивала, обдумывала, не советуясь с тобой, – быть может, в какой-то момент это еще можно было перехватить, и доказать, и переубедить, но все шло исподволь, и ты в беспечности не замечал этого, и вот все сказано, и ничего нельзя исправить. Поделом тебе, подумал он. Ты ведь был чуть ли не феминистом. Ты сам говорил, смеясь, что стервой обычно называют женщину, действующую в собственных интересах. И ты так себе нравился в этот момент – поднявшийся над мужскими слабостями и предубеждениями, широко мыслящий, повторяющий, что в жизни, слава богу, видел от женщин только хорошее. Это было неправдой, но именно таким ты хотел видеть себя, и ты сам почти что в это поверил. Ну так на тебе – вот они тебе, в полный рост – женская воля, и самостоятельность, и индивидуальность, все, что ты так ценил и уважал, – с размаху, от сердца, наотмашь, получи и распишись. Странно, я был такой рассеянный и благодушный в это утро – что редко со мной случается, и в этот момент, складывая в кухне на столе какую-то дурацкую маечку, она сказала: завтра я съезжаю от тебя. Кто-то из

великих сказал, что срок любовных переживаний мужчины недолог – если он не застрелится сразу, то через две недели он будет в порядке – и вот две недели прошло, и я живой, я хожу, вижу, разговариваю, даже способен думать, я знаю – понимаю умом – что должно прийти облегчение, но оно не приходит, и уже не верится, что придет, – все это было однажды, тогда, двадцать лет назад, я был студентом-третьекурсником, и я расстался с ней – с девушкой, с которой был готов связать свою судьбу, память размывает тяжелые воспоминания, и, наверно, поэтому я лучше всего помню, как выходил из всего этого. Я мучился тогда, и тогда мне вдруг приснился Ронни Джеймс Дио – сидящий в ботфортах на бампере какого-то фешенебельного автомобиля – я даже потом понял, откуда это, с буклета какого диска это взято – хотя тогда это было неважно – неподвижность и тишина, холодный бессолнечный свет бесконечного, запредельного пространства, и больше ничего. Он смотрел на меня, как и полагается небожителю, мудрым, всепонимающим, чуть грустноватым взглядом, и вдруг он сказал, глядя на меня, так просто и словно освобождаяще: «Одиночество – всего лишь слово». И я проснулся, и я сразу почувствовал, что мне стало легче. Грусть, страшная, ломающая грусть, и все-таки как будто тропинка назад, и беззвучное белое утро, и мир, где-то там за окном, и ты пойдешь по этой тропинке, пусть медленно, и отчаяние, как грустная сестра, будет глядеть тебе вслед, пока не потеряет из виду и все не кончится.

Машину тряхануло на ухабе.

Поэтично, подумал Вадим, да, поэтично, просто набрать чернил и плакать, только совсем не похоже, чтобы нечто подобное случилось сейчас, на этот раз. В одну реку нельзя войти дважды (даже если это река Семиструйка, ехидно подсказала ему какая-то часть сознания, не подверженная сантиментам, всегда готовая к холодному остервенелому остроумию), не получится ничего. И Дио умер, и знать бы, где эта тропинка.

С узкой, петляющей улочки машина свернула на проспект.

– Ну вот, почти приехали, – сказал водитель. – Что хорошо здесь, так это пробок нет.

– Потому что машин нет, – сказал Вадим.

– Ну почему, – сказал водитель, – сами видите, попадают. Новые, конечно, мало кто покупает, да и подержанных тоже, но выкручиваются как-то, ремонтируют, ремонтных мастерских понаоткрывали, приспособливается народ. А в общем-то, не подумайте – обычный провинциальный город. Темно только.

Они пересекли маленькую площадь и остановились у массивного здания в глубине.

– Ну вот, мэрия, – сказал водитель. – Ну, типа, я свое дело сделал, возвращаюсь. Дальше вы уж сами. Что передать Виктору Ивановичу?

Обернувшись, Вадим подтянул с заднего сиденья пласти-

ковый чемоданчик.

– Не знаю я, что передать, – сказал он. Он посмотрел на здание, в тусклом свете фонарей выступавшее из тьмы. – Коммунистический привет ему передайте.

– То-то он обрадуется, – согласился водитель. – Ладно, вы уж поосторожней тут. Про эти места вообще-то много чего болтают, я, правда, ничему не верю, ну да кто его знает. С городского телефона звоните, если что.

– Если что? – спросил Вадим.

Ухмыльнувшись, водитель протянул ему руку. Пожав ее, Вадим выбрался из машины. Слыша за спиной аристократический рев удалявшегося «Майбаха», шагая по асфальтовой дорожке между зачахшими клумбами, он поднял глаза. Здание мэрии, явно построенное в эпоху, когда архитектура считалась архитектурным излишеством, угрюмо нависало над площадью шестью массивными этажами – судя по расположению окон, потолки в помещениях были неприлично высокими. В нескольких окнах горел свет, большинство погашенных, впрочем, говорило скорее об отсутствии разумной жизни. Вход в здание предваряло некое подобие колоннады с четырехугольными гранитными колоннами; проходя между ними, Вадим на секунду остановился перед свеженаклеенной афишей.

Вниманию всех!

В пятницу в 19:00 в помещении

ДК Газоацетатного завода:

Фестиваль экстремального металла
Участвуют группы:
Копыто Люцифера
Euphoria Diabolica
Infernalìa Prima
Ангелы Бафомета
Врата Ахримана
Tormentor Dei
Специальный гость фестиваля —
группа Incunabula Dagonica
По окончании – автограф-сессия.
Come and stay dark!
Билеты в кассах ДК

Перечитывая названия групп, Вадим еще мгновение постоял перед афишей. В объявлении чего-то не хватало. Возможно, упоминания о том, что мероприятие проклято архиепископом Железногорск-Илимским. Подивившись разнообразию музыкальных вкусов местных жителей, двинувшись дальше и отбросив ногой предмет, о который чуть было не споткнулся (это оказался старый противогаз с разбитым стеклом), он вошел в здание.

Допотопной вертушке со сторожившим ее подслеповатым вахтером предшествовала площадка с окошком бюро пропусков. Сунув в него свой паспорт и, к своему удивлению, через минуту получив его обратно вместе с пропуском, поданным рукой в зеленом мохеровом рукаве и с перстнем с россыпью искусственных изумрудов, он предъявил пропуск

медитировавшему вахтеру (тот не шевельнулся), протиснулся через вертушку и, заглянув в бумажку с номером комнаты, поднялся на второй этаж.

На втором этаже в просторном холле перед явно запертой дверью с табличкой «Помощник мэра Финютин С. В.» потерянно слонялся человек в рубахе в красную клетку, полотняных брюках, кедах, с взъерошенной шевелюрой и в массивных роговых очках. Увидев Вадима и поспешно подойдя к нему, он протянул ему руку.

– Бляхин, – сказал он. – Синоптик.

В некоторой задумчивости Вадим обменялся с ним рукопожатием. Разумеется, синоптику полагается иметь вид фольклорного идиота, выходящего в летний солнечный день на улицу на лыжах и в свитере с красными оленями, но в предстоящем совещании он рассчитывал на несколько иное представительство. Словно что-то почувствовав, человек быстро обернулся.

– В общем-то, все уже подъехали, – торопливо сказал он. – Вон, видите, вещи бросили, просто покурить вышли. А Сергей Владимирович сейчас будет. Да вот они все.

Со стороны лестницы озабоченно приближались несколько человек, причем, как это всегда бывает, кто из них помощник мэра, было видно сразу. Точно так же безошибочно опознав в Вадиме человека из Москвы, помощник мэра с радушной и, как показалось Вадиму, почти искренней улыбкой чуть придержал его за плечо, пока остальные заходили

в кабинет.

– Полчаса официоза, прошу прощения. Нужно комиссию провести, все-таки протокол, сами понимаете, так уж положено. А потом уже поговорим, так сказать, приватно.

Вслед за всеми Вадим вошел в кабинет. Своей внешностью помощник мэра неуловимо напоминал ему какого-то порноактера, чье лицо постоянно попадалось ему, когда, переключая программы спутникового телевидения, он проходил через эротический канал – то же слегка смазливое лицо с предупредительно-неконфликтным выражением, не лишенным, однако, некоторого достоинства.

Вошедшие расселись за длинным столом. После вступительных двух-трех фраз (судя по всему, все присутствовавшие были давно знакомы друг с другом) включился проектор, и на экране возник первый кадр презентации.

Судя по розданной повестке дня, это была первая из четырех запланированных презентаций, призванных отобразить текущее состояние дел в городе, связанное с присутствием Облака, – химической, геофизической, метеорологической (чем, видимо, объяснялось присутствие синоптика) и санитарно-эпидемиологической. Первоначально, судя по первым кадрам презентации, подобные заседания комиссии проходили ежемесячно, затем ежеквартально, а в последние три года – раз в полугодие. Подперев кулаком щеку, Вадим покорно следил за меняющимися изображениями.

Технология презентаций, введенная практичными амери-

канцами как способ показать кратчайший путь к деньгам, в России, как и все, приходящее с Запада, была по-своему переосмыслена, результатом чего стало возрождение, казалось бы, навсегда ушедшего в прошлое искусства народного лубка – прием, применявшийся за рубежом для обнажения смысла, в отечественных условиях стал использоваться для преобразования текста любой длины в книжку с картинками. Одним из следствий этого стало, между прочим, то, что руководство полностью перестало читать какие-либо бумаги и перешло к мышлению на уровне пиктограмм, что же касается исполнителей, то они, побрыкавшись, в итоге смирились с необходимостью подготовки презентаций как с дополнительным неизбежным злом.

Во всех четырех презентациях ключевым было слово «стабильность». Химическая обстановка была стабильной. При этом, правда, тот факт, что стабильность объема и конфигурации Облака вне зависимости от изменений температуры окружающей среды находится в грубейшем противоречии одновременно с законами Гей-Люссака и Менделеева – Клапейрона, как сокрушенно заметил докладчик, по-прежнему не находил объяснения, и вопрос нуждался в дальнейшей научной проработке. Геофизическая обстановка также была стабильной, если не считать несоответствия между картиной распространения в Облаке электромагнитных излучений и положениями кинематической теории дифракции, упомянув о котором, докладчик предпочел на эту тему боль-

ше не распространяться.

Метеорологическая обстановка также была стабильной – установившееся за время присутствия Облака годовое распределение среднесуточных температур в настоящее время соответствовало климатической обстановке Южной Норвегии, объявив о чем, синоптик торжествующе обвел взглядом присутствующих, ожидая то ли криков восторга, то ли яростных возражений, ни того ни другого, впрочем, не последовало.

В области санитарно-эпидемиологической обстановки стабильность господствовала безраздельно. Сезонная вспышка острых респираторных заболеваний была безжалостно подавлена, население послушно делало прививки, а ни единого случая птичьего гриппа за все время существования Облака вообще не было зафиксировано; впрочем, на корреляции этих двух факторов докладчик не настаивал.

В целом атмосфера была затхлой. Чувствовалось, что время бурных обсуждений происшедшего давно прошло, все копыя давно были сломаны, эмоции растрочены, а сами исследования сдулись и перешли в стадию скептицизма и рутинной отчетности – судя по отношению присутствовавших к происходящему, финансирование также было стабильным, но уровень его явно недостаточным.

Выслушав слова благодарности со стороны помощника мэра за интересные сообщения и объявление, что следующее заседание состоится завтра в три часа, участники ста-

ли неспешно расходиться. Ожидая помощника мэра, вышедшего проводить гостей, оставшись в пустой комнате, Вадим некоторое время сидел у стола, рассматривая бессмысленные дипломы на стенах. Не зная, чем себя занять, он встал и подошел к окну.

Неподвижность и тишина. Черный пустынный пейзаж, отчужденный и без движения, как где-нибудь на Венере, темное застывшее пространство с редкими огоньками стоявших в отдалении домов и тусклыми искорками временами появлявшихся медленно двигавшихся машин. Все выглядело каким-то зыбким и нездешним, и странным казалось, что там, вдали и внизу, может быть какая-то жизнь и есть люди.

Слегка запыхавшись, помощник мэра, на ходу ослабляя петлю галстука и стаскивая пиджак, вернулся в комнату. Повесив пиджак на спинку кресла и заглянув на полку с кофейными чашками, он быстро оглянулся.

– Кофе будете?

Не слушая ответа, включив кофе-машину и поставив рядом с ней чашки с брошенными в них кусочками сахара, казалось, с некоторым облегчением он занял свое место в кресле за столом.

– Задолбали, уроды, – словно интимно жалуясь, сообщил он. – Четвертый раз одни и те же презентации привозят. Только даты поменяли и на диаграммах по столбику прибавили. Ни стыда ни совести. И еще увеличения финансирования требуют.

– Откуда они? – спросил Вадим.

– Из Санкт-Петербурга, – ответил помощник мэра. – А эпидемиолог и климатолог из Новосибирска. Серьезные институты, нам еще в самом начале их порекомендовали – с самого верха, кто знал, что все так закончится. Вы извините за этот спектакль, о вас меня предупредили, для вас настоящие материалы приготовлены, сейчас принесут, специально отбирали. Вам с молоком?

Секунду подумав, Вадим подсел поближе.

– Что-нибудь расскажете? – мгновенье помедлив, спросил он.

Некоторое время помощник мэра, казалось, раздумывал, помешивая в чашке ложечкой.

– Все потому, что жертв нет, – как будто даже с некоторым сожалением сказал он. – Если б жертвы были, все б по-другому обернулось, сразу бы все забегали, давно бы разобрались и решили все. Сначала так и было – как выброс на химкомбинате случился, сразу чрезвычайное положение объявили – облако-то огромное, черное, МЧС набежало, эвакуацию было начали – народ-то здесь привычный, в советские времена каждые десять лет аварии случались – все как положено, с жертвами, в семьдесят восьмом от химзавода облако хлорциана поднялось, пошло прямо на город, в последний момент ветер переменился, а то было бы такое – Индия отдыхает. И тогда, восемь лет назад – облако накрыло, кругом тьма, все уже приготовились гимн петь и на кладбище бежать, а

потом смотрят – все живы, ничем не пахнет, никто не кашляет, не чихает, ну да – темно, ну так что с того, электричество включи и живи. Сразу все расслабились, МЧС уехали, типа, смог, разбирайтесь в рабочем порядке, тут тоже думали – ветер подует и унесет, облако, подумаешь. А потом день проходит, другой проходит, ветер дует в одну сторону, в другую, неделя проходит, облако на месте, две проходит – то же самое, понимаете – ветер дует, а облаку хоть бы что. И тьма. Тут уже начали суетиться, институты подключили, ну, дальше вы знаете.

– И что институты? – спросил Вадим.

Помощник мэра, разом скиснув, махнул рукой.

– Да ничего они не понимают. «Нестабильность изоморфных структур...» Сначала загорелись, измерения какие-то проводили, а потом как-то все разом сдулись. «Явление не соответствует уровню современных теоретических представлений». Какие там представления... Они до сих пор, из какого вещества Облако состоит, понять не могут.

– Почему не могут?

– Как – почему? – Помощник с мстительным удовольствием посмотрел на Вадима. – «Нестабильность изоморфных структур».

– А... – Вадим кивнул. – Тогда понятно.

– Хотя есть энтузиасты, годами здесь сидят, работу бросили, пытаются разобраться в чем-то... пустое занятие, по-моему. А пока за восемь лет население уменьшилось на треть,

народ разъезжается, четверть жилого фонда пустует, за услуги ЖКХ платить практически перестали, и, главное, инвестиции на нуле, да и понятно – кто будет инвестировать в город вечной тьмы.

– Как теневой сектор экономики? – не удержавшись, спросил Вадим. – Развивается?

Помощник неожиданно прыснул.

– В том-то и дело, что нет. Даже уровень преступности снизился.

– А вот это уже серьезно. – Вадим, почти не шутя, посмотрел на помощника. – Статистические данные есть?

– В подборке будут. Вроде справку по криминогенной обстановке готовили. – Помощник осторожно взглянул на Вадима. – А вы тут, я так понимаю, как раз в связи с инвестиционной обстановкой?

Рефлекторно сделав отсутствующее лицо, Вадим отвел глаза.

– Как вам сказать. Законсервированное предприятие тоже называется активом. Кому-то в Москве хотелось бы, чтобы название соответствовало содержанию. Тем более в ситуации, когда не исключен новый передел рынка.

– Не в химии здесь дело, – подумав, внезапно сказал помощник. – Поливалентные в этом Облаке структуры или какие другие, это все не важно, это потом разберутся, а не разберутся, так и бог с ним. Что-то на самом комбинате случилось. Дело давнее, но понять, размотать бы. Разговоры раз-

ные ходят, послушать, так что-то странное там творилось, и, по-моему, не просто так оно появилось, Облако это. Разобраться бы во всем этом, с людьми поговорить бы.

Вадим удивленно повернулся к помощнику.

– А разве кто-то еще остался? Мне говорили...

– Большинство разъехались, конечно, – кивнул помощник. – Но пара человек из бывшего руководства вроде еще здесь. Когда расследование было, конечно, как и все, в отрицаловку ушли, я не я, и лошадь не моя, но если сейчас поговорить, кто его знает, вдруг проговорятся, может, и всплывет что-то.

– Контакты есть? – спросил Вадим.

– В папку адреса вложены. Два человека, может, и еще кто-то остался, но по остальным нет сведений. Я с ними пытался говорить когда-то, но я – официальная власть, не пошли на контакт. Может, у вас лучше получится.

Вошедшая женщина в меховом жилете положила на стол раздувшуюся старомодную папку с завязочками.

– Ну вот, все здесь. – Помощник с надеждой посмотрел на Вадима. – Так, может, все-таки сходите, поговорите? Только к ним домой идти придется, мы тут недавно проверяли – телефоны у обоих, как назло, отключены давно за неуплату.

– Разберусь. – Вадим щелкнул замками. Объемистая папка хотя и с трудом, но все же поместилась в портфель. – Какого рода там материалы?

– Да всякой твари по паре. – Помощник подумал. – Тема-

тические справки, выдержки из отчетов, слухи, сплетни... Многого не ждите, но до завтрашнего дня хватит. Завтра заседание в три, не забудьте.

– Не забуду. – Вадим поставил кейс у ножки стула. – До гостиницы тут как лучше добраться?

– Сейчас я вам такси по пейджеру вызову. – Помощник полез в ящик стола. – Вы где остановились?

Вадим заглянул в бумажку.

– «Шангри Ла».

Набрав текст на пейджере, помощник нажал пискнувшую кнопку.

– Виталий Николаевич очень хотел с вами встретиться, – сказал он. – Не получилось, он сейчас на совещании, у губернатора, в Железногорск-Илимске. Но вы ведь до конца недели задержитесь?

– Не знаю, – сказал Вадим. – Трудно пока сказать. Как пойдет.

– Как пойдет, понятно. – Помощник покивал. – Если от нас что-то надо, пожалуйста, сразу же обращайтесь. Любая помощь. – Он словно в замешательстве оглянулся. – А такси ваше наверняка уже пришло. Таксистов у нас больше, чем клиентов, а пробок здесь не бывает.

– Спасибо. – Вадим поднялся. Уже почти дойдя до двери, он остановился. – Скажите... – он секунду поколебался. – А правда, что у вас тут черный снег выпадает?

– Темно-серый, – сказал помощник. – Когда снежинки в

руке растают, на ладони песчинки черные остаются. Вода отдельно, песчинки отдельно.

– Понятно.

Аккуратно закрыв за собой дверь, Вадим вышел в холл. Спустившись вниз и отдав пропуск спящему с открытыми глазами вахтеру, он вышел на улицу.

Потрепанный «Фольксваген» уже стоял у тротуара. Сев и сказав шоферу «Шангри Ла», Вадим на мгновение закрыл глаза. Надо быть занятым, подумал он. Надо постоянно быть занятым. Вот я сейчас говорил с ним, и я был практически нормальным человеком. Сейчас приеду в гостиницу и буду читать эти материалы, страницу за страницей, подробно, вдумчиво, въедливо, кропотливо; хорошо, что их так много. Буду их сопоставлять, анализировать, проверять на внутреннюю непротиворечивость, на системную полноту, буду выдвигать версии, предположения, гипотезы, и их потом тоже буду сопоставлять, проверять, анализировать – на внутреннюю непротиворечивость, на системную полноту, так и буду этим заниматься, пока не отрублюсь к чертовой матери. А завтра попрошу еще. И наверняка мне дадут. Только так и надо здесь.

Машина внезапно остановилась.

– Шангри Ла, – сказал шофер.

Подняв глаза, Вадим мутно посмотрел на мерцавшую сквозь стекло вывеску.

– Шангри Ла?

Шофер вопросительно скосил на него глаза.

– Шангри Ла.

Кладя конец этому разговору двух готтентотов, он тронул пальцем экран планшета.

– Сто рублей.

Отдав деньги, Вадим вышел из машины.

Войдя в холл гостиницы, он недоуменно оглянулся. Вместо ожидаемых диванов, столиков и девушек за стойкой ресепшн перед ним было покрытое пластиковой пленкой пространство, уставленное заколоченными ящиками, с кучами мусора по углам. Стойка ресепшн, впрочем, присутствовала – на ней лежал человек в рваных джинсах и бандане, увлеченно читавший книжку в засаленной обложке и время от времени прыскавший от смеха. С некоторой задержкой заметив вторжение, отложив книжку, он приподнялся на локте.

– Привет, брат, – произнес он.

– Миру мир.

Приблизившись, Вадим, уже догадываясь о случившемся, еще раз оглядел пространство.

– Остановиться здесь, я так понимаю, не получится.

– Ну, возможность остановиться всегда есть, – с готовностью заметил собеседник. – Вопрос в том, готов ли сам человек сделать такую остановку.

– Я имею в виду, снять номер на несколько дней, – кротко сказал Вадим.

Лицо собеседника выразило сожаление.

– Извини, брат. Закрываемся, нет постояльцев. Ничем не могу помочь.

Еще раздумывая, Вадим бросил взгляд на завернутую в пластик хрустальную люстру в углу.

– А другие гостиницы в городе есть?

Потянувшись к стоявшему в изголовье раскрытому ноутбуку, собеседник некоторое время просматривал интернет-страницы. Подойдя, Вадим покорно ждал своей участи. Вздохнув, человек захлопнул ноутбук.

– Извини, брат. Похоже, ни одна не дышит. Что делать, кризис.

– Харе Кришна, – сказал Вадим.

Секунду они смотрели друг на друга.

– Если бы мы были на аэродроме, – внезапно сказал собеседник, – мы бы обнялись и расцеловались.

Оценивая сказанное, Вадим невольно усмехнулся. Уходя, он бросил взгляд на лежавшую страницами вниз раскрытую книжку. Это была «Симуляция бессознательного в дискурсе экономики деривативов» Бодрийара. Аккуратно придерживав стеклянные двери, он вышел на улицу.

Черная, черная ночь. Влажный, чуть тепловатый ветер порывами стлался вдоль улицы – одиночные прохожие вдали и редкие, мутно мерцающие вывески. А я ведь знаю все это, внезапно подумал он. Тронутый неожиданно сильным чувством, на мгновение он остановился. Откуда-то из детства

все это вдруг вновь встало перед ним – спальный район на окраине, стылые дома без витрин и прохожие, бредущие бесконечными зимними вечерами по продуваемым ветром улицам неизвестно куда, темный волнистый лед под ногами и изморозь на голых ветках, тусклые неоновые вывески с погасшими буквами и черные стекла окон – все это было почти таким же, и это было перед ним.

Встряхнувшись, Вадим медленно пошел по улице. В моем детстве всегда зима, усмехнувшись, подумал он. Мимо с шумом пронеслась машина. Да, это похоже, похоже, очень похоже, не совсем так, но все-таки похоже, только... – он, вздохнув, оглянулся – только здесь теплее.

Еще раз вздохнув, он пошел дальше. Внезапно он вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего дня. Потом найду какую-нибудь гостиницу, подумал он. Не может быть, чтобы ни одной не было, – частный сектор, в конце концов, или что там еще. А сейчас поесть. Привлеченный огнями вывески в узком, идущем вниз переулке, он бездумно свернул туда.

Заведение называлось Gothic-Doom Cafe. В очередной раз подивившись своеобразию местных условий, Вадим толкнул дощатую, окованную железом дверь; спустившись по деревянной скрипучей лестнице, он оказался в темном сводчатом зале. Обстановка внутри была примерно такой, как он ожидал – дубовые столы и скамейки, ржавые секиры на стенах, постеры металлических групп в средневековых облачениях, немного странной выглядела только одна

из стен и площадка перед ней, выстланные алым бархатом, словно приготовленные для некоего действия. Увидев в дальнем углу стол, окруженный не скамейками, как остальные, а дубовыми креслами, Вадим пробрался туда.

Народу в заведении было неожиданно много, приглядевшись, он с удивлением отметил отсутствие пивных кружек на столах, перед посетителями стояли только бокалы с вином, в воздухе шелестели тихие разговоры, все как будто чего-то ждали. Едва он успел сделать заказ, как помещение наполнил звук органа, разом потускнели светильники, и в площадку, выстланную алым бархатом, ударили скрещенные световые конусы прожекторов. Площадку озарила вспышка, породившая облако дыма, из клубов которого мгновение спустя показались три фигуры в черных балахонах с остроконечными капюшонами, из-под сводов разнеслось «*Veni omnipotent aeterne diabolus*», наплывом воздуха откуда-то сбоку дым отнесло в сторону, и все три фигуры, одна за другой, сделали шаг вперед.

Стоявший посередине человек более всего привлекал внимание. Высокий, с длинными русыми волосами и резкими чертами бледного аскетичного лица, на котором выделялись горевшие ровным спокойным светом глаза, он на мгновение склонил голову, словно в задумчивости, или, быть может, прислушиваясь к какому-то ему одному слышному звуку, стоявшие по обе стороны от него девушки так же, словно в смирении, потупили глаза, меж слегка разошедшихся пол

их балахонов стали видны их обнаженные тела.

Человек между тем решительно поднял голову, одновременно призывающим жестом чуть вскинув руку, внимание всех сидевших в зале, впрочем, и так уже было приковано к нему, мгновенье – и в помещении зазвучал его мгновенно завораживающий, какой-то всепроникающий голос.

– Отложите яства, отодвиньте кубки.

Не ждите от Посланца слов благих, ибо в мире нет благодати.

Не для того я пришел к вам, чтоб призывать к вере, ведь верующие лишь рабы пустоты.

И не хочу я ни строить, ни разрушать иллюзий – что сами построили, то и разрушите.

Говорящий откинул капюшон, луч прожектора высветил твердый прищур его глаз и жесткую складку губ.

– Нет заслуги в том, чтобы любить то, что прекрасно. И жалок тот, кто бодр духом в надежде на обещанное спасение.

Но славен тот, чей дух тверд там, где нет ни спасения, ни совершенства.

Нет и не будет их, так внимайте же, ибо ничтожен всякий отвернувшийся от правды.

Счастье недостижимо, конфликты неразрешимы, надежды обречены, усилия тщетны. Смерть и тьма ждут нас всех, они подбираются, они почти уже здесь. С ними невозможно

договориться и нельзя победить. Но капитуляции не будет.

Падая и оступаясь, теряя и обретая, истлевая и восставая, идет человек на штурм неба.

Найдя – не загораживайся, увидев – не отшатывайся, познав – не обманывайся.

А потому вот послание книги вечной.

О терпении и твердости слово ее.

Его и запечатлейте в сердцах.

Свободным всевидящим движением говорящий поднял голову.

– Не оказывай непрошеной помощи, ибо этим оскорбишь гордого.

Не давай непрошенных советов, ибо уподобишься глупцам.

Сторонись боящихся ответственности, ибо от них идет предательство.

Не презирай блудниц, ибо только они честны.

Не делись тяготами с близкими, ибо только хорошим надлежит делиться с любимыми.

Не проси у друзей бесплатной помощи, ибо лучше обогатить друга, чем постороннего.

Никогда никому не угрожай. Уж лучше сразу сделай. Ибо угрозы бояться лишь трусливые, а их нет там, где вершатся великие дела. Угрожая – предупреждаешь, предупреждая – вооружаешь, зачем же вооружать врага своего?

Слушай лишь первые слова, верь лишь словам, что срыва-

ются с кончика языка, ибо все поправки, дополнения, уточнения – суть ложь.

Убей в себе страх – первопричину всех бед, и очистится взор твой.

Между поступком и не поступком выбирай поступок, ибо, совершив его, увидишь мир изменившимся, а в нем – и нелепость прежних страхов своих.

Бойся отвергающих радости земные, ибо больше они любят смерть, чем жизнь, сами не зная того.

Не оставляй обид безнаказанными, ибо призывающие прощать делятся трусостью, – око за око, зуб за зуб.

Не ищи в людях сострадания, ибо не найдешь его.

Дознайся причин желаний своих, ибо лишь глупец не понимает себя, а у умного нет подсознания.

Познав же это – встань и иди!

Орган звучал, цвета прожекторов менялись как в калейдоскопе; гордо повернувшись к зрителям, девушки сбросили балахоны, оставшись обнаженными, после новой вспышки площадку вновь пересекли клубы дыма, в руках говорившего оказалась статуэтка распятого дракона, крылья его были прибиты к кресту.

Глаза присутствовавших, до того без благоговения, но с интересом слушавших говорившего, были прикованы к зрелищу, в такт музыке, под разноцветными лучами прожекторов, девушки продолжали увлеченные движения. Одна из

них, темно-русая, со стройным, гибким телом, казалось, целиком была погружена в ритуал, стараясь, как в художественной гимнастике, все делать максимально четко и правильно; другая, коротко стриженная шатенка, чуть более порывистая, словно одухотворенная в движениях, все делала, не сводя ждущего взгляда с проповедника, в каждом жесте ее сквозили серьезность и непритворная вера в происходящее. С каким-то чувством оцепенелой отстраненной грусти Вадим наблюдал за ними. Да, женская преданность, подумал он. Юношеская, страстная женская преданность, та самая, что вкладывала им в руки бомбы народовольцев или кинжал, убивший Марата, вот она здесь, как на ладони. У этой, второй, наверно, даже ничего нет с этим парнем, возможно, она тайно влюблена в него, но не хочет себе в этом признаться, не хочет дать воли этому чувству, чтобы не опозлать, не помешать тому главному, что исходит от него, к чему она, как это видно, относится так серьезно. И ведь не важно, что от него исходит, они верят ему, они жаждут верить, они готовы на все. С таким же успехом он мог бы сгношить их на съемки в порнофильме, так же убедительно и страстно доказав, что то, чем он занимается, есть высокое искусство, – и влюбленное сердце услышало бы и ринулось во все это со всем жаром молодости, ничего не прося взамен. Господи, на какую только гнусность не способны чертовы мужчины – все эти микросаванаролы и микронаполеончики, прекрасно знающие, что не смогут добиться власти среди таких же, как они, мужчин, и

стремящиеся стать самыми сильными среди самых слабых. И ничего не поделаешь. И глупо вмешиваться, и ничего не поправишь.

Ритуал между тем продолжался. Взяв кувшин, человек в балахоне смочил из него губку, поднеся ее затем к губам каждой из девушек; одна из них легла на покрытое алым бархатом некое подобие наклонного топчана, вторая с кувшином в руках стала над ней; взяв распятие с драконом, человек поднял его над головой, площадку вновь озарила вспышка, все заволочло дымом, голос из динамиков возгласил: «*Vexilla regis prodeunt inferni!*»¹, однако в этот момент в течение церемонии вмешались посторонние звуки.

Словно в противоположность сказанному, дверь над лестницей с треском распахнулась, в проеме ее показалось несколько человек, тащивших с собою огромный необструганый деревянный крест. С треском и криками вся эта компания и последовавшие за ними человек двадцать скатились по лестнице; уткнув крест в пол, возглавлявший толпу коротко стриженный человек в прыгавших на носу очках и туристском свитере, воздев руку над головой, возопил: «По лжи ходите! Ложью глаголете!», музыка выключилась, а внезапно выскочивший из-за его спины толстяк в подпоясанной веревкой рубахе окатил сидящих за передними столами водой из трехлитровой банки.

Краем глаза отметив, что ни проповедника, ни девушек на

---

¹ Вот близятся знамена царя Ада (*лат.*) – Данте, «Ад», песнь 34.

площадке уже не было, Вадим с интересом наблюдал происходящее. Притянув к себе крест и тыкая указательным перстом в воздух, человек в очках затянул обличительную речь, сидящие за столиками вяло отругивались. Выдвинувшиеся на передний план несколько молодцов недружелюбного вида потребовали у присутствующих предъявить документы, сидевшие за столиками с недовольством, но без особого удивления полезли в портмоне и сумки.

Обстановка меж тем накалялась: нескольких посетителей, вскочивших и попытавшихся вырваться, тут же решительно водворили на место, следом вскочили другие, началась перебранка со взаимными пиханиями в грудь, стоявшие за спинами обличителей дюжие парни в готовности придвинулись ближе. Раздался звон стекла и треск перевернутых столов, в дальнем углу зала началась драка, завизжали женщины, численный перевес был на стороне посетителей, но физподготовка и выучка – на стороне вломившихся, в руках многих из них показались бейсбольные биты, в движениях был виден явный настрой никого не выпускать, на поясе у одного из только что проверявших документы Вадим вдруг заметил блеснувшую связку наручников.

Фронт драки приближался к столику Вадима, неожиданно отвлеченный звуками, доносившимися откуда-то издали и сверху, он поднял голову – несколько человек, взлетев по лестнице, схватили попытавшуюся убежать девушку – поднявшись на ступеньку выше и загородив ей путь, они пыта-

лись столкнуть ее вниз. Что-то абсурдное было в этой сцене – и в самой девушке, одетой в цветное короткое, словно детское платьице, которое Вадим с первого взгляда принял за ночную рубашку, и в ее внешности, одновременно и сочетающейся, и контрастировавшей с этим нарядом, – золотистые волосы, лицо, в котором чувственность странно сочеталась с детскостью, и какая-то необычная фигура – большая налитая грудь, при этом довольно узкие бедра, и неожиданно полные, круглые икры, и ноги с высоким подъемом, в туфлях на шпильках. Ухватившись за перила и отмахиваясь сумочкой, она что-то страстно, со вскриками пыталась втолковать двум массивным амбалам, со слоновой тупостью нависавшим над ней; то ли не слыша, то ли не понимая, амбалы одутловато спускались по ступеням, пихая и оттесняя ее.

Достав из-под кресла портфель с материалами и невольно усмехнувшись тому, насколько дико, наверно, выглядит человек, идущий драться с портфелем в руке, Вадим, мгновение подумав, вытащил из портфеля первую попавшуюся бумагу; демонстративно держа ее перед собой примерно тем жестом, которым в известных документальных кадрах Чемберлен показывал журналистам Мюнхенский договор, он неторопливо обогнул стол. Люди, занятые дракой, вряд ли позволят себе отвлечься, чтобы задержать идущего куда-то непонятного человека с портфелем и бумагой в руке, похожего на адвоката, готовящегося кому-то зачитать права, – двое или трое погромщиков, обернувшихся в сторону Ва-

дима, пока он пересекал зал, на мгновение скользнув по нему непонимающими взглядами, отвернулись.

Подойдя к лестнице и бросив бумагу, Вадим быстро взлетел по ступенькам, портфель мешал страшно; криво пристроив его на ступеньке и схватив за щиколотки одного из амбалов, он изо всех сил дернул, рискуя сам слететь с лестницы, – хлопнувшись затылком об угол ступеньки, тот на мгновение отключился, зарывавший второй повернулся к Вадиму; ухватив его за полу куртки и держась за балясину, Вадим дернул его на себя; замахав руками в поисках опоры, тот сверзнулся по лестнице; подобрав портфель и схватив девушку за руку, Вадим потащил ее вверх к выходу. Сзади слышался рев пришедших в себя амбалов, наверху, пнув дверь, Вадим пропустил девушку вперед; вылетев на улицу, они побежали к проезжей части, девушка двигалась, спотыкаясь – она потеряла туфлю, из распахнувшейся двери выскочили трое или четверо погромщиков; вскинув руку, Вадим остановил единственную на дороге машину. С готовностью приоткрывший дверь водитель, наклонившись, понятиливо взглянул из пахнувшего бензином салона.

– Куда?

– На вокзал.

– Сколько?

– Тысяча рублей.

Сделав приглашающий жест, водитель взялся за руль. Хлопнув дверьми, они рванули с места, на секунду опередив

подбежавших амбалов.

Квартал остался позади, машина набрала ход, в салоне было почти комфортно и вообще замечательно: нежно звучала музыка, пахло благовониями, мимо проплывали освещенные витрины. В зеркале сияло довольное лицо водителя. Смирно сидя на заднем сиденье, озабоченно взглянув в заднее стекло, девушка со скромным интересом повернулась к Вадиму.

– Скажите, пожалуйста, а можно вернуться назад за моей туфлей?

Вадим мельком покосился на нее.

– Можно. Если перед этим зайти в оружейный магазин. Так что лучше в обувной.

Сложив руки на коленях, девушка с достоинством потупила глаза.

– Боюсь, мне будет трудно чем-то их обрадовать.

– Ничего, я это возьму на себя.

Девушка немного церемонно взглянула на него.

– Вы хотите мне купить новые туфли?

– Ну не ходить же вам босиком. Или вы против?

– Я не против, я даже знаю одну мастерскую, где можно купить подходящие туфли, но это далеко, – у вас есть время?

– Какую мастерскую?

– Мастерскую по ремонту обуви.

– А это обязательно – покупать туфли в мастерской по ремонту? Обувной магазин не подойдет?

– Обувной магазин подойдет, конечно, но это очень дорого.

– Ничего, думаю, я смогу это пережить.

Девушка оглянулась.

– Тогда это в двух кварталах отсюда, а там надо завернуть налево.

Взглянув в окно, Вадим кивнул шоферу.

– В двух кварталах отсюда – налево, и там остановите.

– А тысяча рублей? – спросил шофер.

– В силе.

Они проехали квартал.

Девушка как-то манерно покосилась на него.

– Вы, наверное, приезжий?

– А что, заметно?

– Просто у вас так много денег. И к тому же вы хотели ехать на вокзал. Вы не опоздаете?

– Мне не нужно на вокзал, я только что сюда приехал.

– А почему же вы сказали ехать на вокзал?

– Просто для скорости, чтобы минимизировать общение с водителем. В любом городе есть вокзал.

– Да, даже у нас есть. Только он закрыт.

– Ну вот, видите, как все удачно складывается.

Они подъехали к магазину.

Выступавший из тьмы светящийся стеклянный куб казался чем-то инопланетным на безлюдной улице, сквозь бесшумно раздвинувшиеся стеклянные двери они вошли в за-

ставленный разноцветной обувью пустой зал, две продавщицы одиноко маячили где-то в глубине. Оставив девушку бродить среди полок, Вадим вышел на улицу.

Безлюдно и тихо. На другой стороне улицы симметричным отражением светился стеклянный куб пустого мебельного салона, в темноте блеснул красный огонек уезжающей машины, в тишине было слышно, как пощелкивает, переключаясь, светофор. Вызвать ей такси, подумал Вадим, должен же быть у нее пейджер, если только помощник не соврал – или нет, кто это мне говорил про пейджеры – водитель. Ну да все равно.

Постояв пару минут, он вернулся; терпеливо ожидая его, девушка стояла у полки, словно в некоторой волнительной задумчивости.

– Ну что, есть туфли?

– Есть, только очень дорогие, боюсь, вам будет обременительно тратить такие деньги.

– Что значит «дорогие»?

– Восемь тысяч.

Вадим мгновенье смотрел на нее.

– Каждая по отдельности или обе вместе?

– Обе вместе.

– Это обнадеживает.

Оплатив на кассе туфли, он подождал, пока она их наденет, вместе они вышли на улицу. Все так же церемонно, но, как показалось Вадиму, одновременно все же с некоторым

чувством, девушка повернулась к нему.

– Большое вам спасибо за туфли. И спасибо за то, что вы меня спасли.

– Ничего, одно пойдет в дополнение к другому.

– В общем-то, я не собиралась там засиживаться, хотела сбежать пораньше, как-то никто не думал, что такое может произойти.

– Ну, в общем, так оно и получилось. Вы сбежали.

– Ну да.

Вадим оглянулся.

– Тут какой-нибудь общественный транспорт ходит?

– Ходит. Только очень редко.

– Давайте я вас отправлю на такси. У вас же есть пейджер?

– Спасибо. Да, конечно.

Девушка полезла в сумочку. Порывшись, она всплеснула руками.

– Боже. О, нет. Я же отдала его Черемисиной.

– Это фатально?

– Боюсь, что да. Это значит, что до завтра я его назад не получу.

Вадим понимающе кивнул.

– А Черемисина меньше чем сутки пейджеры не держит?

– Нет, просто она забыла свой и взяла у меня. Вы ее видели, она сейчас выступала в кафе.

– Адептка Сатаны? Да, такая не отдаст.

– Никакая она не адептка, просто вечно спутывается не с

теми, с кем надо.

– Что ж, такое случается со многими.

– Случается, только с ней постоянно.

– Что посоветуете делать?

– Ну, давайте подождем, должен же проехать кто-нибудь.

Они пошли по улице.

– Как же вы передвигаетесь? – спросила девушка. – Вам же, наверно, тут трудно без машины.

– Приехал на машине, но она уже уехала обратно в Москву. Я тут ненадолго, в этом городе. Приехал по делу.

Девушка подумала.

– «Приехал по делу» – это прямо как из какой-то русской повести девятнадцатого века.

Оценив замечание, Вадим невольно усмехнулся, как-то по-новому посмотрев на нее.

– Да, это довольно точно. Из Москвы, по делу, в уездном городе. Но мертвых душ не скупаю.

– Жаль, а то их тут множество.

– Можете уступить по дешевке?

– У меня другая профессия.

– А чем вы занимаетесь?

– Я закройщица в мастерской по ремонту одежды.

Вадим с недоверием покосился на нее.

– Что-то вы не очень похожи на закройщицу.

Явно чем-то довольная, девушка ответила ему задорным взглядом.

– А вы знали многих закройщиц?

В тон ей Вадим с ученым видом покивал.

– Да, порой у нас бытуют совершенно ложные представления о профессиях.

Словно вникая в положение, он серьезно посмотрел на нее.

– Наверно, женщине надо многое пережить в жизни, чтоб стать закройщицей?

Девушка прыснула.

– Вы попали в точку. Конечно, я не всегда работала закройщицей.

– А кем еще?

– Да много кем. Когда-то давно работала даже в модельном агентстве, в Железногорск-Илимске.

– Кем, моделью?

Девушка, опустив глаза, улыбнулась.

– Вы очень милы. Нет, администратором.

– Что ж, приятно, что все это не помешало вам так хорошо знать русскую классику.

Девушка с улыбкой опустила глаза.

– Просто я сейчас живу в таком месте, где очень много русской классической литературы – прямо в таких длинных шкафах. Так что я пользуюсь – прихожу с работы и все это читаю. Недавно прочла «Тысячу душ» Писемского, а сейчас читаю Лескова – «Соборяне».

Вадим впечатленно крутанул головой.

– Где же это такое замечательное место, где люди так замечательно проводят время. В иной ситуации я бы сам туда переселился.

– Да нет, просто... – девушка живо бросила взгляд на Вадима. – Вы не подумайте чего плохого... Просто я сейчас живу в чужой квартире.

– В смысле... Снимаете?

– Нет, как бы вам это... Просто вы не знаете. У нас же много людей разъехалось. Ну и квартиры пустые, а их же ни продать, ни сдать не получается, ну и люди стали понемногу занимать их – все равно же никто не живет.

– Самозахватом?

– Ну почему захватом – просто многим не хочется жить с родителями, кому-то так ближе на работу, и к тому же мы же ничего плохого не делаем – не мусорим, живем в чистоте, чужих вещей не распродаем – я даже знаю случаи, когда хозяева знают, что в их квартире кто-то живет, – и не возражают.

– А если заселятся какие-нибудь специфические друзья – из дружественных или не очень дружественных республик?

– Не заселятся, у нас их нет. – Девушка оживленно взглянула на Вадима. – У нас дом, построенный еще в тридцатых годах каким-то авангардным архитектором – ну, типа, для людей будущего, там все квартиры в линию, все выходят в такой длинный коридор, и через каждые три квартиры общая площадка, с диванами, креслами, чтобы все могли со-

бираться и общаться.

– И что, общаетесь?

– Мы только там и пропадаем. На самом деле действительно очень удобно.

Вадим вздохнул.

– Что ж, рад, что вам так хорошо живется. Кстати, каких-нибудь гостиниц в городе не знаете?

Девушка удивленно распахнула глаза.

– А вам негде жить?

– Как это ни странно. Ткнулся было, но выяснилось, что все гостиницы позакрывались.

– Ну да, к нам же в общем-то никто не ездит. – Девушка подумала. – Хотя нет, по-моему, еще есть одна. Называется «Шангри Ла».

Вадим знающе кивнул.

– Уже нет. Захвачена кришнаитами-постмодернистами.

– Тогда не знаю.

– Ясно.

С вновь возвращенной церемонностью, смешанной, впрочем, с затаенной улыбкой, девушка взглянула на Вадима.

– Мне, конечно, очень неловко... Но если так, то вы вполне можете пожить у нас.

– А есть место?

– Свободных квартир хватает. Рядом со мной свободная однокомнатная, и еще есть.

Раздумывая, Вадим посмотрел вдаль. Впереди, на пере-

крестке в темноте, засветились фары машины. Словно секунду поколебавшись, она свернула в боковую улицу. Почему бы нет, подумал он, что ты там рассуждал о частном секторе – ну так вот он.

– А я вас не стесню?

– Находясь в другой квартире? – Девушка улыбнулась. – Даже интересно, как вы себе это представляете.

Как по заказу, рядом с ними остановилась машина.

– Ладно, согласен. – Наклоняясь к опускающемуся стеклу, Вадим обернулся к девушке. – Какой адрес?

– Первостроителей, шестнадцать.

Усевшись, они понеслись по черным улицам.

Несколько раз свернув в темноте, они выехали на проспект; наклонившись к водителю, девушка показала ему, где остановиться. Выбравшись из машины, Вадим на секунду задержался, рассматривая подсвеченное тусклыми фонарями здание – носящее на себе следы противостояния конструктивизма и классицизма, длинным массивным кораблем оно возвышалось над улицей. Войдя в один из многочисленных подъездов, они поднялись на третий этаж, за тяжелой металлической дверью открылся длинный, уходящий в перспективу коридор, вдоль стены тянулись стеллажи с книгами. Пройдя вперед по коридору, девушка сняла с гвоздя висевшие около двери ключи и открыла дверь.

– Вот, пожалуйста. Я, конечно, не знаю, к чему вы приехали...

Войдя вслед за ней, Вадим оглядел комнату со стандартной советской мебелью, заглянув за угол, он проверил наличие ванной.

– Платить что-нибудь надо? – на всякий случай спросил он.

С тонкой улыбкой опустив глаза, девушка секунду подумала.

– Можете купить для Ирины корм для кота. А то ей зарплату задерживают, мы все ей по очереди покупаем.

– А что он ест?

– Он... все время забываю, такие пакетики... Увидите – спросите.

– У кого, у кота?

– Нет, у Ирины. Вы еще всех увидите.

– Понятно. Как зовут кота?

– Прохор.

Кивнув, вдруг поняв, что ведет себя бестактно, он поспешно повернулся к девушке.

– Простите, а вас как зовут?

– Аля.

– Я Вадим.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Секунду он поколебался, не уверенный, не обидит ли ее его шутка.

– А для вас какой-нибудь корм купить?

Девушка улыбнулась.

– Не надо. Вы сегодня уже достаточно купили.

– Хорошо.

– До встречи.

Дверь за ней закрылась, Вадим опустился на кровать.

Один. Еще раз оглядев комнату, подтянув к себе кейс и достав папку с документами, он, мгновенье поглядев на нее, отложил ее в сторону. Позже, подумал он. Не сейчас, позже, когда я буду не такой бессмысленно бодрый, как сейчас, когда отупею чувствами, когда буду готов воспринимать все это, ближе к ночи. Звучит глупо, здесь всегда ночь, но позже, когда мои собственные биологические часы покажут ночь. Когда от чтения всего этого меня начнет клонить ко сну. А сейчас... Не быть одному. Ни минуты не быть одному. И быть общительным. Со всеми вступать в диалог и со всеми разговаривать. Что она там говорила про какие-то площадки для общения? Вот пойду сейчас туда и буду общаться. И горе тому, кто встанет на моем пути.

Вновь открыв кейс, он достал и разложил те немногие вещи, которые у него с собой были; проходя мимо полки с книгами, он на мгновенье остановился у нее.

Собрание сочинений Мельникова-Печерского, подшивка журналов «Химия и жизнь» за 1968 год, книга Г. Облыжного «Маоизм – опасность для человечества», «Винни-Пух», сборник «Ленин и шахматы» (Вадим заглянул в книгу, нет ли там записей партий вождя, но таковых не оказалось),

двухтомник «Записки аквалангиста» (из серии «Свидетели великой эпохи»), брошюра «Скажи наркотикам „нет“», сборник издательства Высшей школы экономики «Инвестиционные перспективы Российской Федерации», «Томек у истоков Амазонки», «Томек в стране кенгуру»... Альтернативы общению не было. Поправив покрывало на кровати и бросив ключ на стол (каким-то сверхчувствительным прозрением он понял, что дверей здесь не запирают), он вышел в коридор.

Книжные полки тянулись вдоль стены. Заставленные разнообразными собраниями сочинений, в том числе и русских классиков, включая второстепенных (краем глаза он заметил фундаментально-многотомные дореволюционные издания Якова Буткова и Атавы-Терпигорева), местами они заметно прогибались под тяжестью вросших в них томов. Преодолев секундное искушение остановиться и рассмотреть их поподробнее (с усмешкой подумав, что в этом случае он, как черепаха в апории Зенона, точно никуда не дойдет), он, отвернувшись от стеллажей и быстро миновав несколько дверей квартир, вышел на обещанную девушкой площадку.

Сидевшие на толстом ковре среди разбросанных подушек рядом с низеньким журнальным столиком худощавый сидящий мужчина лет пятидесяти и две девушки – как на подбор, худенькая и по-кустодиевски яркая – с любопытством обернулись в его сторону.

Поставив чашку с чаем на столик, мужчина с улыбкой,

изображавшей живейшую радость и удовлетворение, вновь обратился к Вадиму.

– А вот, по всей видимости, и наш новый постоялец.

На ходу ответно проникаясь светскостью, Вадим сдержанно поклонился.

– Надеюсь, постояльцу не возбраняется временно влиться в сложившийся здесь социум и... гм... – Он оглядел заваленный подушками ковер в поиске свободного места. Освобождая место, худенькая девушка быстро отбросила подушки. – ...и сделаться сидельцем.

– Чур меня, – акцентированно осенив себя крестным знаменем, Вадим опустился на ковер. – Знаете, крайне желательно было бы оформить эту мысль каким-то иным образом.

Мужчина понимающе улыбнулся.

– Судя по живости последней реплики, наш гость определенно принадлежит к миру бизнеса.

Подбирая под себя ноги, Вадим со вздохом кивнул.

– Определенней, чем иногда хотелось бы.

– Давно замечено, – тоном лектора произнес мужчина, – что представители бизнеса крайне аффектативно относятся к глаголу «сидеть» во всех его формах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.